

Упрощенные производства в уголовном процессе Российской Федерации

Научный руководитель – Васильев Олег Леонидович

Багаудинов Мурадин Багаудинович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Москва, Россия

E-mail: muradin.bagaudinov@mail.ru

За два десятилетия уголовно-процессуальный закон подвергался множественным изменениям, подчас труднообъяснимым и весьма противоречивым. Однако, несмотря на это, анализ проведенных реформ позволяет выделить ряд тенденций реформирования УПК РФ. Одной из таких тенденций является стремление к упрощению уголовного процесса, которое реализуется, прежде всего, в появлении различных упрощенных производств, к которым относятся, прежде всего, особые порядки, предусмотренные главами 40 и 40¹ УПК РФ, а также дознание в сокращенной форме. Кроме того, двадцатилетний опыт реформирования УПК показывает, что сфера применения таких производств постоянно расширяется.

Заметим, что само по себе стремление к ускорению процесса ничего плохого в себе не несет. Пристального внимания требует вопрос о том, является ли упрощение необходимостью и подходящим способом ускорения уголовного процесса, и где должны проходить его границы.

Анализ норм УПК РФ позволяет заметить, что в основе интересующих нас производств лежит признание вины, которое континентальный уголовный процесс воспринимает всего лишь как разновидность показаний обвиняемого и не более, чем рядовое доказательство, в отличие от англосаксонского уголовного процесса, воспринимающего признание вины как отношение одной стороны к требованиям другой стороны.

Такое отношение к институту признания вины привело к развитию в американском уголовном процессе института *plea bargaining*. Как отмечают исследователи, с США 97% уголовных дел разрешаются именно путем заключения «сделок с правосудием». Такое положение дел объясняется также институциональными предпосылками. В центре системы уголовной юстиции в США стоит суд присяжных, который является очень сложной с инфраструктурной точки зрения и дорогой конструкцией. Это, а также практически полное отсутствие профессиональной уголовной юстиции делают «сделки» институциональной необходимостью для США.

В континентальном уголовном процессе, напротив, в центре всей системы стоит профессиональный суд, а компетенция суда присяжных весьма ограничена. В таких условиях нет никакой институциональной необходимости к имплементации «сделок» в уголовный процесс, а их появление преследует исключительно (если оставить за скобками геополитическое влияние США) цели процессуальной экономии.

При этом очевидно, что концепция *guilty plea* в «чистом виде» никак не сочетается с принципом материальной истины, которого традиционно придерживаются континентальные уголовно-процессуальные системы с совершенно иной процессуальной инфраструктурой. В такой ситуации, строго говоря, появление «сделок» в континентальных правовых системах может теоретически происходить двумя способами: путем «перестройки» всей системы уголовного процесса по американскому образцу либо путем их грамотного «встраивания» в исторически сложившуюся модель уголовного процесса.

Однако непонятно, по какому из этих путей пошел российский законодатель. С одной стороны, глава 40, появившаяся вместе с самим УПК РФ, несмотря на сильное американское влияние, формально не предусматривает «делку» обвинения и защиты - ускорение процесса достигается за счет сокращения центрального этапа судебного разбирательства - судебного следствия. При этом суд не освобождается от исследования всех доказательств, содержащихся в материалах дела. В целом, особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК, остается в русле континентальных традиций.

Здесь основная проблема состоит в том, что после появления дознания в сокращенной форме из уголовного процесса по некоторым категориям дел вообще пропал этап, где происходит полноценное доказывание. УПК позволяет дознавателю, например, не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Данная норма наглядно показывает, что законодатель настолько редуцировал доказывание при производстве сокращенного дознания, что от него не осталось ровным счетом ничего.

Более того, такая ситуация породила расширение стадии возбуждения уголовного дела, куда фактически и «перенеслось» расследование преступлений. Следовательно, у нас возникает множество проблем, связанных с процессуальными гарантиями лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, собиранием доказательств и т.д.

В 2009 году в УПК РФ появился институт досудебного соглашения о сотрудничестве, который является аналогом американского института *cooperation agreements*, призванного раскрывать дела об опасных преступлениях. Предполагалось, что досудебное соглашение о сотрудничестве будет применяться по делам о наиболее опасных преступлениях, совершенных в соучастии. При такой постановке вопроса целью данного производства является, скорее, не ускорение уголовного процесса, а привлечение к ответственности всех лиц, виновных в совершении преступления.

Однако на практике оказалось, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно по всем делам, по которым производится предварительное следствие, в том числе и в порядке ч. 4 ст. 150 УПК РФ. Таким образом, сейчас глава 40¹ применяется в основном по тем делам, которые не имеют никакого отношения к опасным преступлениям. Все это приводит к тому, что на практике данный институт используется как раз в целях ускорения уголовного судопроизводства, а его целью становится «не доказывание вины соучастников, вину отрицающих, а лишь «льготное» наказание лица, вину признающего» [1].

Подавляющее большинство стран континентальной Европы пошло по пути поиска компромиссов между традиционными континентальными ценностями, прежде всего, принципом материальной истины, и «делками о признании», в результате чего последние приобрели ряд новых черт.

Во-первых, упрощенные производства имеют крайне ограниченную сферу применения. Так, например, в Испании, наказание, назначенное в упрощенном порядке, не может превышать шести лет лишения свободы, во Франции - одного года, а в Португалии и вовсе шести месяцев. Итальянская процедура *patteggiamento*, которая, по мнению ученых, является подлинным континентальным аналогом англосаксонских *plea bargaining* в итальянском варианте, также ограничивается весьма узким кругом дел об уголовных проступках и правонарушениях.

Во-вторых, упрощение допускается только в судебных стадиях уголовного процесса, и в рамках досудебного производства никаких упрощенных производств нет.

В-третьих, за судом сохраняется обязанность рассмотреть все доказательства, имеющиеся в деле. В этом контексте примечательно решение КС ФРГ, обратившего внимание на то, что соглашения допустимы лишь при сохранении обязанности суда всесторонне

исследовать все обстоятельства дела и осуждать лицо только при установлении его виновности[3]. Оно, на наш взгляд, наиболее полно отражает континентальный взгляд на «сделки с правосудием».

Указанные характеристики, на наш взгляд, и являются теми самыми границами упрощения, в соответствии с которыми необходимо привести российский УПК.

Сейчас в порядке главы 40 УПК РФ могут рассматриваться дела о преступлениях, максимальное наказание за совершение которых может составлять до 10 лет лишения свободы, что представляется чрезмерным. В связи с этим видится обоснованным дальнейшее сокращение дел, по которым возможно применение положений главы 40 УПК РФ, до дел о преступлениях небольшой тяжести.

Не стоит забывать и о принципе материальной истины. Раз мы упрощаем судебное разбирательство, необходимо обеспечить объективное, полное и всестороннее исследование обстоятельств дела в стадии предварительного расследования. При таком подходе в уголовном процессе не останется места дознанию в сокращённой форме, которое не предусматривает полноценного доказывания.

Кроме того, важнейшей гарантией прав личности в такой ситуации должен стать прокурорский надзор по итогам расследования. В связи с этим представляется правильным разъяснение права на рассмотрение дела в особом порядке после утверждения прокурором обвинительного документа. Иными словами, прокурор при утверждении обвинительного документа не будет знать, в каком порядке дело будет рассмотрено в суде, что повысит его внимательность при осуществлении надзора.

Наконец, говоря про порядок, предусмотренный главой 40¹ УПК РФ, стоит сказать, что в нынешнем виде он не достигает целей, провозглашенных при его введении. Вместе с тем, его применение по опасным преступлениям также представляется необоснованным в силу самого характера таких преступлений, по которым наоборот необходимо предоставление дополнительных гарантий.

Как представляется, реализация указанных выше положений позволит логичнее «вписать» упрощенные производства в уголовный процесс России, совместив их с классическими континентальными институтами и принципами отечественного уголовного процесса.

Источники и литература

- 1) Головки Л.В. Сделки с правосудием: объективная тенденция или модное поветрие? // Закон. №9, 2009. С. 195
- 2) Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Юридический центр «Пресс». СПб, 2002. С. 197